

А. Н. РОБИНСОН

Аввакум и Епифаний

(К истории общения двух писателей)

I

Аввакум очень заботился о мотивировке своего автобиографического труда.¹ Его смелый опыт литературного изображения собственной жизни как жизни нового «пророка», борца за «дело божие», обрамлялся привычными для читателя и необходимыми для автора формами жития святого. Возникновение автобиографии Аввакума как нового типа литературного произведения, порожденного острой общественно-религиозной борьбой второй половины XVII в., сопровождалось в области идей и художественных форм резким столкновением новаторства и традиции. С одной стороны, это были новые черты мировоззрения, выразившиеся в осознании социального значения человеческой личности (в данном случае своей собственной), и новые, близкие народу формы литературной речи, а с другой — средневековые церковные представления о человеке и традиционные формы агиографии. В этом своеобразном процессе литературного формирования новой «житийной» темы на базе агиографической традиции новые элементы зарождающегося автобиографического жанра должны были еще пользоваться для собственного обоснования силой признанных авторитетов и литературных канонов.

Сама старая биографическая тема, имевшая своей целью описание жизни святого, требовала от автора известного оправдания. Составитель жития нередко считал нужным сослаться на внешний повод, принудивший его взяться за перо. Искушенный в книжности Максим Грек, составляя предисловие к житию Зосимы и Савватия Соловецких, посчитал необходимым снабдить свой труд такой мотивировкой: «Аз окаянный и грубый, понужения ради твоего, честный отче, надежу возложих на всемилостиваго бога... яко да споспешествуют ми» в начатом труде.² Автор жития Филиппа, митрополита московского, старательно оговаривается: «Не бо безстудством некоим самодержзостно на сие приидох, но вами принужден должная сотворих».³ Говоря о жизни Варлаама Важеского, составитель не забывает пояснить: «о нем же нудите мя, о отцы,

¹ См.: В. Л. Комарович. Протопоп Аввакум (§ 1). — История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 312—313. В настоящей статье мы рассматриваем лишь одну из тех мотивировок, которыми пользовался Аввакум для оправдания автобиографической темы своего труда.

² Житие Зосимы и Савватия Соловецких. — Православный собеседник. Казань, 1859, июнь, стр. 217.

³ Ив. Яхонтов. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, стр. 139.

и повелеваете ми написати».⁴ Составитель жития Александра Ошевенского указывал на основную цель своего труда: «сие мало нечто писанию предахом, да не в забвении будет по бозе... житие святого».⁵

На этом литературном фоне создание автобиографического жития нуждалось, естественно, в еще более ясной мотивировке. Такая мотивировка и была подсказана Аввакуму той же агиографической традицией. Читатели-современники должны были воспринять как нечто привычное и должное выраженную в обычной форме и очень конкретную мотивировку его «Жития»: «Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием,— понеж отец ему духовный иннок,— да не забвению предано будет дело божие».⁶

Но для того чтобы произошла такая качественная трансформация литературного жанра, как превращение традиционных биографий подвижников, посмертно канонизированных, в полемически заостренную автобиографию человека, хорошо известного современникам, наличие только такого внешнего «понуждения» (для преодоления скромности автора) оказалось недостаточным. Для такого труда нужен был и реальный повод — наличие духовного отца-исповедника, каким и был Епифаний. Отсюда житие-автобиография смогло получить новую мотивировку, как житие-исповедь, рассказ Аввакума о своей жизни Епифанию, который и «понудил» к этому автора.

В. В. Виноградов определил форму «Жития» Аввакума как «просто-душно-деловой сказ», интимную дружескую «беседу», «вяканье».⁷ Первоначально эта манера изложения Аввакума причислялась, хотя и без достаточных оснований, к более поздним и сознательно создаваемым писателями явлениям «иллюзии сказа».⁸ Р. Ягодич рассматривал форму изложения Аввакума несколько отвлеченно, как обращение к «читателю» или к «слушателю».⁹ С большим основанием Н. К. Гудзий говорил о «простодушной исповеди»¹⁰ Аввакума, а В. П. Адрианова-Перетц отметила, что он «сохранял в своих писаниях манеру живой беседы»¹¹ или «подлинной беседы», как писал Д. С. Лихачев.¹² Исследователи отмечали, что эта манера изложения «Жития» возникает в виде «бесхитростной

⁴ Житие преподобного Варлаама Важеского с предисловием А. Григоровича. М., 1887, стр. 11.

⁵ Ив. Яхонтов. Жития... стр. 90; см.: Иван Некрасов. Древнерусский литератор.—Беседы в Обществе любителей российской словесности, в. 1. М., 1867, стр. 43.

⁶ Памятники истории старообрядчества, XVII в., кн. 1, в. 1.—РИБ, т. 39, Л., 1927, стр. 1. (В дальнейшем при цитировании «Жития» Аввакума страницы приводятся в скобках, при цитировании же других памятников в подстрочных примечаниях обозначается: РИБ, т. 39, с указанием страницы).

⁷ В. В. Виноградов. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопopa Аввакума.—Русская речь. Сборник статей под ред. Л. В. Щебры, 1. Пгр., 1923, стр. 208, 209, 267, 285.

⁸ Б. М. Эйхенбаум. Иллюзия сказа.—Сквозь литературу. Сборник статей. «Academia», Л., 1924, стр. 156.

⁹ Rudolf Jagoditsch. Das Leben des Protropen Awwakum von ihm selbst niedergeschrieben. Berlin, 1930, стр. 69.

¹⁰ См.: Н. К. Гудзий. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление.—Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. «Academia», [М.], [1934], стр. 32, 49.

¹¹ В. П. Адрианова-Перетц. Старообрядческая литература.—История русской литературы. Учебник для вузов, т. I, ч. 1. Под ред. проф. В. А. Десницкого (главный редактор), Б. С. Мейлаха, Л. А. Плоткина. М., 1941, стр. 299.

¹² Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум (§ 2).—История русской литературы, т. II, ч. 2. М., 1948, стр. 316.

импровизации», не превращаясь в осознанный автором «литературный прием».¹³

К созданию такой автобиографической беседы-исповеди Аввакум был хорошо подготовлен своей предшествующей деятельностью. Он был «замечательный народный проповедник»,¹⁴ и сила его проповеди «была обязательна». ¹⁵ Проповедь в народной среде так увлекала Аввакума, что из-за этого у него и «радение худо было» о предлагавшемся ему месте придворного священника. Он, однако, не жалел об этом месте: «Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило» (15). Навыки живой беседы со слушателями, простой и доступный им образный язык, подкрепляемый авторитетом привычных цитат «от писания»,¹⁶ послужили впоследствии основой для создания до сих пор не утратившей своей свежести и живого звучания литературной речи многих его эпистолярных и полемических сочинений, а в особенности его «Жития». Сочинения Аввакума, как пишет В. П. Адрианова-Перетц, «продолжали устную проповедь»,¹⁷ что применительно к «Житию», как нам кажется, было облегчено его тесным общением с Епифанием в процессе их автобиографического труда.

Литературное творчество Епифания привлекало внимание лишь немногих исследователей.¹⁸ Еще Н. И. Субботин отметил, что «автобиографическая записка» Епифания, включенная в 1668 г. Авраамием (учеником Аввакума) в его «Христианоопасный щит веры», была составлена автором до его ссылки и, следовательно, «ранее Аввакумовой автобиографии».¹⁹ Тем не менее в науке распространилось мнение, что Аввакум был первым автобиографом и его труд послужил примером для Епифания. Оспаривая это мнение и развивая указанные наблюдения Н. И. Субботина, С. А. Зеньковский пришел к заключению, что Епифаний еще в Виданской пустыне занимался литературным трудом. Он написал там обличительную книгу против царя и никониан, а также первую редакцию (А) своего «Жития» (между 1665 и 1666 гг.). Этот первый опыт автобиографии Епифания значительно отличался от его «Жития» (Б), написанного в Пустозерске. Таким образом, ко времени встречи Аввакума и Епифания в 1667 г. в московской тюрьме старец был уже опытным писателем, ему принадлежал автобиографический труд, который и послужил затем примером для создания Аввакумом его «Жития». После казни Авраамия в Москве в 1671 г. Аввакум и Епифаний, находившиеся в Пустозерске, видимо, считали, что оставшееся у него «Житие» Епифания (А) погибло. Когда Аввакум в конце своего «Жития» просил Епифания описать свою жизнь, он, по-видимому, высказывал лишь желание реконструировать этот утраченный труд (А), о котором он кое-что знал, и на основе этих сведений перечислил события из жизни старца.

¹³ См.: В. В. Виноградов. О задачах стилистики. . . , стр. 208; Pierre Pascal. Avvakum et les début du raskol. La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. Paris, 1938 стр. 485—486 (в дальнейшем: P. Pascal); Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум (§ 2), стр. 316.

¹⁴ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. Субботина (в дальнейшем: Материалы). Т. V. М., 1879, стр. VII.

¹⁵ Д. И. Сапожников. Самоожжение в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII). М., 1891, стр. 7—8.

¹⁶ См.: Д. Святополк-Мирский. О московской литературе и протопопе Аввакуме. — Евразийский временник, т. IV. Берлин, 1925, стр. 343—344.

¹⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Старообрядческая литература, стр. 298.

¹⁸ И. П. Еремин. Житие Епифания. — История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 322—326; Serge A. Zenkovsky. Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie. — Die Welt der Slaven, Jahrgang 1, Heft 3, Wiesbaden, 1956 (в дальнейшем: S. A. Zenkovsky), стр. 276—292.

¹⁹ Материалы, т. VII. М., 1885, стр. XVI—XVII.

Все затронутые здесь вопросы о мотивировке «Жития» Аввакума, о манере его «сказа», о соотношении его «Жития» с «Житием» Епифания вызывают необходимость выяснения вопроса об общем характере взаимоотношений этих двух писателей-автобиографов, о тех конкретных условиях и формах, в которых развивалось их творчество и многолетнее общение, продолжавшееся с 1667 г. до смерти обоих на костре в 1682 г.

II

Аввакум был особенно внимателен к Епифанию уже в начале их знакомства. После первой казни Лазаря и Епифания, по приезде узников в Братошино под Москвой, Аввакум навестил старца, который «запечатлев уста, седел весь слезен».²⁰ Но вскоре, пишет Аввакум, старец прислал к нему стрельца «с радостию: не кручинься бо обо мне; и мне-де дала язык... богородица». Отправившись к другу, Аввакум первый засвидетельствовал и описал это «чудо». Оба они «порадовахся, поговорили кое о чем». Епифаний рассказал Аввакуму, как он «проглаголал и как его казнили». Передавая далее рассказ Епифания о его видении, Аввакум переходит на изложение от лица самого старца: «Она же мне отверзла уста, и аз-де и стал говорить ясно».²¹ В этой первой «завязке» отношений двух писателей сказались основные черты их последующего общения: дружеское участие и единомыслие, беседы о своей жизни и о видениях, литературное отражение этих бесед.

Непосредственное общение писателей продолжалось и в течение трехмесячного пути в Пустозерск, и еще долгое время по прибытии туда (12 декабря 1667 г.). Воеводе пришлось расселить четырех узников²² «порознь, очистиа пустоозерских крестьян избы», так как он не мог выполнить царский указ о том, чтобы сделать для них окруженную тыном тюрьму, состоящую из четырех отдельных «изб», отгороженных друг от друга «тыном же». Только в августе 1669 г. пустозерцы начали строить тюрьму. В октябре 1670 г. разгневанный царь приказал тюрьму «сделать тот час», а «мужиков», задержавших постройку, «бить кнутом».²³

Этот первый и сравнительно легкий период пустозерской жизни соузников (до 1669 г.) не был особенно плодотворным в литературном отношении. Но зато это было время их устного общения, углубления знакомства друг с другом и формирования взаимоотношений. К этому периоду мы отнесем мысль П. К. Паскаля о том, что Аввакум в своих долгих беседах с Епифанием неоднократно сообщал ему различные эпизоды из своей богатой приключениями жизни.²⁴ Такие автобиографические беседы, украшенные фантазией, вообще вполне естественные в условиях суровой ссылки, были особенно уместны в среде первоучителей старообрядчества, которые осознали себя мучениками за «истинную» веру. Епифаний вполедствии потому и «понудил» Аввакума написать его «Житие», что уже ясно представлял себе важность этого труда для их общего дела.

В темницах общение писателей продолжалось: «к старцу пойду посидеть в ево темницу», «у старца сижу», — писал Аввакум (72). Но затем

²⁰ РИБ, т. 39, стлб. 708, 712.

²¹ РИБ, т. 39, стлб. 707, 711.

²² Первоначально в Пустозерск были сосланы Аввакум, Никифор, Лазарь и Епифаний. В 1668 г. туда был привезен Федор. Никифор вскоре умер.

²³ С. Б. Веселовский. Документы о постройке Пустозерской тюрьмы. — Памятники первых лет русского старообрядчества, в. II. СПб., 1914, стр. 7, 10, 13.

²⁴ См.: P. Pascal, стр. 484.

условия жизни узников изменились к худшему. После второй казни (14 апреля 1670 г.), как пишет Епифаний, отвели их «в старья темницы, когождо во свою».²⁵ Теперь тюремщики «обрубиа околу темниц наших срубы и осыпаша в темницах землеу... и оставиша нам по единому окошку, куды нужная пища принимати и дровишек приняти» (256). А «тюрьмы нам сделали, — пишет Федор, — по сажени, а от полу дг потолгу головой достать».²⁶ Иронизируя по поводу такого способа заключения, Аввакум не забывает о Епифании: «покой большой и у меня, и у старца... где пьем и едим, тут... и лайно испражняем, да складше на лопату, и в окошко!.. Мне видится и у царя — того, Алексея Михайловича, нет такого покоя».²⁷

Теперь лишь по ночам, рискуя быть жестоко наказанным, узникам удавалось встречаться друг с другом, вылезая из темниц через окна.²⁸ Заключение сносились и путем передачи поручений через сочувствующих им стражников. Епифаний рассказывает о том, как к нему обратился сотник с просьбой сделать несколько крестов, которые он собирался отвезти в Москву «боголюбцам», но старец сказал ему: «и ты сходи... ко Аввакуму и принеси мне от него благословение» (258). Только после того как сотник выполнил это требование, Епифаний принялся за работу. «Рукоделие» старца очень пригодилось. Сообщая в одном из писем семье о посылке девяти крестов («старец трудился»), Аввакум добавляет: «Еще таинства в крестах, а грамоток в мир не читите».²⁹ Он не разрешает родственникам читать спрятанные в крестах и адресованные «в мир» послания. Был и другой способ тайной отправки своих сочинений единоверцам, который также связывал Аввакума и Епифания: «И стрельцу у бердыша и топорыше велел ящичек зделать, — пишет Аввакум боярыне Морозовой, — и заклеил своима бедныма рукама то посланейце в бердыш... а ящичек стрельцу делал старец Епифаний».³⁰

Однако Епифаний не был только техническим помощником Аввакума. Кроткий и скромный, склонный к созерцательности и внутренним переживаниям, Епифаний столь резко отличался по характеру от «огнепального» Аввакума, не терпевшего критики даже со стороны своих ближайших соратников, что всецело подчинился влиянию протопопа и сделался в Пустозерске самым близким его другом и единомышленником.³¹ Епифаний так сердечно сочувствовал Аввакуму в его яростной богословской полемике с соседом по темнице Федором, что его даже посетило видение, которое он сообщил Аввакуму, а тот поспешил им воспользоваться как аргументом в своем «Слове на безобразника и отступника неосвященнаго»: «и тебя старец видел, — пишет Аввакум Федору, — развязана дяволи волокут в бездну».³² В борьбе с Федором Аввакум вообще выступал не только от своего имени, но и от имени старца: «Аз же, грешный и гру-

²⁵ Я. Л. Барсков. Житие инока Епифания. — Памятники первых лет русского старообрядчества, в. I. СПб., 1912, стр. 248. (В дальнейшем при цитировании «Жития» Епифания страницы указываются в тексте в скобках, при цитировании других памятников в подстрочных примечаниях обозначается: Я. Л. Барсков, Памятники, с указанием страниц).

²⁶ Я. Л. Барсков, Памятники, стр. 68.

²⁷ РИБ, т. 39, столб. 929.

²⁸ См.: Я. Л. Барсков, Памятники, стр. 68; Материалы, т. VI, М., 1881, стр. 131.

²⁹ РИБ, т. 39, столб. 913—914; Я. Л. Барсков, Памятники, стр. 41, 303.

³⁰ РИБ, т. 39, столб. 913.

³¹ См.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898, стр. 055.

³² РИБ, т. 39, столб. 639; см. также стр. XXXIX.

бый... Аввакум и со страцем Епифанием, перепоясався содействием свя-
таго духа, тако исповедаем и глаголем».³³

Еще более существенен тот факт, что Аввакум использовал мораль-
ный авторитет Епифания во многих своих назидательных и пропагандист-
ских посланиях старообрядцам. Епифаний, в отличие от других узников,
почти не вел самостоятельной пропаганды, но он постоянно идейно под-
держивал в ней Аввакума, который давал ему свои послания для чтения
и одобрения. Это одобрение выражалось старцем в его приписках. На-
пример, к письму Аввакума, адресованному Морозовой и Урусовой:
«Многогрешный инок Епифаний... в темнице, яко во гробе, седя... благо-
словение приписал».³⁴ Аввакум подкреплял свои наставления старообряд-
цам именем Епифания: «Се и мы с Епифанием старцем хотим быт[б]
причастницы части вашей».³⁵ Наложив на старицу Елену суровую семи-
летнюю епитимию и сам же затем утешая ее, Аввакум не забывает доба-
вить: «И отец Епифаний молитвами помогает ти».³⁶ Разбранив Морозову,
Аввакум указывает ей на моральную стойкость свою и своего едино-
мышленника: «Хотя мне тысячу литр злата давай, не обольстишь, не
блюдишь, яко и Епифания».³⁷ Аввакум обращается к друзьям и кланяется
им от имени своего и старца: «У отца Досифея благословения прошу и
старец Епифаний также,— по премногу челом бьем».³⁸ Из всех трех
соузников Аввакума только один Епифаний решился укрепить своим
благословением страшное по дальнейшим последствиям послание прото-
попа с одобрением самосожжения старообрядцев. В «Послании Сибирской
братии» Аввакум пишет: «Добро те сделали, кое в огоне-т забежали. Мы
же разсуждали между собою: кажется, не худо оне сделали», а в конце
послания добавлено: «И старец Епифаний молит бога о всех, также
благословение послав, челом бьет всем верным».³⁹

Письмо Аввакума, адресованное в Москву Морозовой, Урусовой и
Даниловой, сопровождающее его «Книгу бесед» и содержащее приписку
Епифания, относится к первой половине 1672 г.,⁴⁰ т. е. к тому именно
времени, когда узники уже сидели в одиночных темницах и когда Авва-
кум работал над своим «Житием», которое датируется 1672—1673 гг.⁴¹
Аввакум и Епифаний могли обмениваться советами и рукописями либо
по ночам — лично, вылезая из темниц через окна, либо днем — при по-
мощи расположенных к ним стрельцов и сотника.

Установив наличие таких тесных идейных и личных связей Аввакума
и Епифания, осуществлявшихся в период строгого заключения не только
в устной, но и в письменной форме, мы получаем возможность перейти
к рассмотрению литературных связей двух писателей, относящихся
к этому же времени.

III

После варварских казней — резанья языков и сечения рук (чего избе-
жал один Аввакум), после заключения в осыпанные землей темницы
надежды узников на избавление были утрачены, общение их друг с дру-

³³ РИБ, т. 39, стлб. 624.

³⁴ РИБ, т. 39, стлб. 928; см. также стлб. 400, 406, 835, 878, 950.

³⁵ РИБ, т. 39, стлб. 862.

³⁶ РИБ, т. 39, стлб. 859.

³⁷ РИБ, т. 39, стлб. 914.

³⁸ РИБ, т. 39, стлб. 834, 954.

³⁹ РИБ, т. 39, стлб. 872, 878; см. также стлб. 568, 846; ср.: П. С. Смирнов.
Внутренние вопросы..., стр. 77, прим. 76.

⁴⁰ См. РИБ, т. 39, стлб. 400, стр. XXX.

⁴¹ См. РИБ, т. 39, стр. X.

гом затруднено. Оставалась только фанатическая вера в правоту своего дела и неукротимое стремление для успеха этого дела завершить и увековечить легенду о собственной жизни. Нечеловеческие моральные и физические страдания всех четырех союзников сопровождался в этот второй период их срыльной жизни блестящим расцветом их литературного и полемического творчества. Сидя в темницах, Аввакум и Епифаний приступают к заранее совместно обдуманному ими автобиографическому труду. И теперь их прежние беседы о временах вольной жизни отнюдь не забылись.

Следы такого предварительного устного общения двух писателей обнаруживаются при сопоставлении двух редакций (А и Б) «Жития» Епифания между собой и одновременно с тем изложением событий из жизни старца, которое сделал Аввакумом. Завершая свое «Житие», Аввакум настойчиво предлагает Епифанию («не станешь писать, я петь осержусь» — 82) описать, «как богородица беса того в руках тех мяла и тебе отдала» («и как бес-от мужика задавил», — добавлено в редакции Б) и «как муравьи-те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег и как келья-та обгорела, а в ней все цело, и как ты кричал на небо-то, да иное, что вспомнишь» (81—82). В редакции А «Жития» Епифания есть рассказы о том, как богородица беса в руках мяла, как бес мужика задавил, как при пожаре внутреннее убранство кельи старца осталось целым. Но там совершенно отсутствует эпизод о нападении муравьев, о том, как бес сжег дрова и как Епифаний «кричал на небо». Однако в редакции Б, написанной по требованию Аввакума, появляется и эпизод с муравьями, и картина второго пожара кельи, во время которого по воле беса огонь, как говорит Епифаний, «съел у мене дров шесть сажень» (237). Сам же Епифаний, подчиняясь стилю Аввакума, начинает обращаться к небесным силам гораздо настойчивее. Если в редакции А он еще скромно молился, «сице глаголющи» или «начен глаголати» и только однажды «вопия»,⁴² то в редакции Б он уже «вопиюще сице к высоте небесной» (234), «воздох руки мои на высоту небесную и завопел великим голосом» (237), «начаш вопити... зря на небо» (233). Во всех этих случаях появляется тот недостающий в первой редакции элемент («небо»), который отмечен Аввакумом.

Следовательно, Аввакум еще раньше, чем сам Епифаний, занес на бумагу те эпизоды из жизни старца, которых не было у него в первой редакции «Жития». Откуда же Аввакум узнал о них? Несомненно, из устных рассказов самого Епифания. Именно из этих рассказов, а не из первой редакции «Жития» (А) Епифания, как полагает С. А. Зеньковский,⁴³ он почерпнул все свои сведения о жизни старца, как те, которые уже содержались в редакции А, так и новые. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что эпизоды из жизни Епифания передаются Аввакумом в случайной последовательности, не совпадающей с изложением «Жития» старца. Обе редакции этого «Жития» в общей последовательности своего рассказа значительно ближе друг к другу, чем к рассказу о жизни Епифания у Аввакума. Работая над своим «Житием» в условиях одиночного заключения, Аввакум припомнил отдельные, наиболее яркие рассказы старца, но расположил их произвольно.

В процессе работы Аввакума над «Житием» его личное общение с Епифанием сменилось письменной беседой-исповедью. Постоянные обращения к Епифанию служили дополнительной мотивировкой рассказа

⁴² Материалы, т. VII, стр. 55, 57, 58.

⁴³ С. А. Zenkovsky, стр. 284.

Аввакума о своей жизни и тем естественным условием, которое позволяло автору вести повествование в форме излюбленной им «беседы» с читателем. В данном случае «беседа» с Епифанием была для Аввакума как бы посредствующей ступенью между устным рассказом и литературным творчеством. Реальность «беседы» засвидетельствована автографами обоих писателей.

Аввакум рассказывает Епифанию, как он, его жена и дочь, возвращаясь из Сибири, спрятали и спасли некоего «замотая», обманув преследовавших его казаков. Аввакум просит старца и их общего адресата, некоего «раба Христова», рассудить, велико ли его согрешение. Он специально оставляет место и говорит: «Припиши же что-нибудь, старец». Затем следует известная вставка рукой Епифания: «Бог да простит тя... Добро сотворили есте и праведно. Аминь» (40). Аввакум благодарит друга и продолжает свой рассказ. Как возникла эта письменная «беседа» в тексте «Жития»? Нам представляется, что непосредственная искренность автобиографа столкнулась в этом эпизоде с тем общим заданием его труда, которое должно было представить читателям его автора в ореоле пророка, почти святого. Возникший моральный конфликт и должен был быть решен судом духовного отца прежде, чем он поступит на суд читателей, истово веривших своему учителю-автору. Оставив место для фиксации решения Епифания и заранее согласившись с любым его заключением, Аввакум тут же продолжал писать дальше. Он закончил тетрадь и передал ее в темницу Епифанию, который и вернул ее со своей вставкой. В том, что приписка старца была именно вставкой в готовый текст Аввакума, убеждает следующее: Аввакум сам говорит, что он «и место оставил», т. е. сделал пропуск, а не просто отложил свое дальнейшее изложение до получения ответа старца. Епифанию же не хватило этого места для приписки, и последние две строки ему пришлось написать мельче и втиснуть их между своим предшествующим текстом и уже написанным далее текстом Аввакума.⁴⁴

При переработках «Жития» Аввакум не только сохраняет свои постоянные обращения к Епифанию на прежних местах, но вновь и вновь обращается к нему, вводя в свою биографию новые повести. Так, создавая для второй редакции «Жития» повесть об Евдокии Цехановицкой, Аввакум начинает ее с обращения к другу («А как я была на Мезени, отче Епифаний...» — 144—145), которое повторяется в изложении повести и далее («Да и много, старец, она говорила...», «Я, старец, посмотрю...», «Видишь ли, как оне...» — 146—147). Таким же обращением снабжаются новые повести о ловле рыбы и о чудесном излечении Аввакума, введенные им только в третью редакцию «Жития»: «Еще тебе скажу, старец, повесть» (230), «Слушай-ко, старец: еще ходил я на Шакшу озеро...» (232), «Чюдно гораздо сие, старец!» (234). Добавляя к третьей редакции «Жития» новое введение, Аввакум снова подчеркивает роль Епифания: «По благословиению отца моего, старца Епифания, писано моею рукою грешного протопопы Аввакума» (151). И далее, адресуясь к некоему своему «чаду возлюбленному», он сообщает новую деталь: «поминай мя в молитвах своих и старца на забывай Епифания. Я писал, а он мне молитвами помогал» (154). Из этого видно, что творческое общение Аввакума с Епифанием продолжалось на протяжении всей его автобиографической работы. Сам Аввакум в образной форме отразил свою близость к Епифанию, развивая в третьей редакции «Жития» излюбленную им тему «плавания» на корабле по житейскому морю. Теперь он «плавает» не один, а вместе со

⁴⁴ См. фотоснимок вставки Епифания: РИБ, т. 39, табл. II.

стаєтє брѣмлю. коє
ѡнѣ абаи дѣлаєтє тамъ
у хѣ ама и. дообси дв
ѡмъ амакѣ ;

Послушаніа ра^н хѣа, ітшоєго
пожеланіа, ітшо радн тшоєго
блженіа бже стѣн, ітшошеніа ра
раба тшо хѣа, не брекѣса сказа
ти па^а о хртѣ ісѣ. но не позазѣ
ри тѣсѣ куд оумію моему, ітшо
стопѣ моеи; поне же грамотн
ки, і философіи не обучилса, и не
желю сего, і не шѣу; но сего
и шѣу, како бы ми хртѣ мѣща
сопшорити себѣ і люде, і бже
і стѣн єго; а что скажу па^а про
сто, і шѣ бга ра^н собои ітшо шѣ
тѣ, со хртѣ, а мене грѣшнато
тѣтитѣ, і блжитѣ ітшомолите
са бже со хртѣ і бже і стѣн
его, аминь ;
Радн са ітшадеренѣ, ітшо шѣ
ітшомолитѣ оцѣ мой, ітшомолитѣ ;

старцем: «...как то еще мы до пристанища доедем? Во глубине еще плоем, берегу не видеть, грести надобе прилежно... Старец, не станем много спать: дьявол около темниц наших бодро zelo ходит» (204).

Аввакум перерабатывал и совершенствовал свое «Житие» от редакции к редакции.⁴⁵ В ходе этой работы он испытал и некоторое влияние творчества Епифания. При описании пустозерской казни Епифания в первой редакции «Жития» Аввакум только упомянул о том, что после молитвы старца к богородице «показаны ему оба языка, московской и здешней; он же един взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно» (63—64). Во второй редакции добавлено, что это язык «третьей уже от рода ево вырос. На Москве у него резали с Лазарем... вместе» (131). В третьей редакции дается уже развернутая картина казни, осложненная новыми элементами: старец молил «Пилата» (Ивана Елагина) отсечь ему голову, но тот отказался и велел «язык вырезать». Старец «рече, на небо взирая: „Господи, не остави ми грешнаго, помози ми!“ И в то время божиим промыслом прииде на него некое забвение, яко сон, и не почув резания языка своего, только в мале некак ощутил, яко во сне, резание языка своего» (212—213). Изображение этого внутреннего состояния Епифания, отсутствующее в описаниях пустозерских казней,⁴⁶ находим только во второй части его «Жития», причем в очень сходных выражениях: «Аз же грешный... зря на небо, рекох сице: „Господи помози!“... Наиде бо на мя тогда, яко сон, и не слышал, как палачь язык мой вырезал, толко в мале, в мале ощутил, яко во сне, что палачь ми отрезал язык» (251).

Это сопоставление показывает, что первоначально Аввакум использовал при описании казни Епифания только общую схему «чуда» о языках. Но, работая над третьей редакцией «Жития», он воспользовался уже развитой самим Епифанием легендой о его казни. К этому времени Епифаний либо устно сообщил Аввакуму об особой благодати, облегчившей его страдания во время казни, либо уже сам записал эту картину (составляя вторую часть своей биографии) и ознакомил с нею своего друга.

Если «Житие» Аввакума мотивировалось «понужением» Епифания, то и «Житие» старца мотивируется «повелением» протопопа. Сам Аввакум пишет: «повелеваю ти, напиши и ты» (81). И в соответствии с этим Епифаний начинает свое «Житие» так: «Послушания ради Христова и твоего ради повеления и святаго твоего благословения, отче святыи... не отрекуся сказать вам...» (229). «Житие» Епифания (редакция Б, первая часть) было написано сразу вслед за тем, как Аввакум закончил первую редакцию своего «Жития».⁴⁷ Однако и во второй и в третьей его редакциях Аввакум сохраняет теперь уже исполненное и, казалось бы, больше не нужное «повеление» старцу, чтобы и он описал свою жизнь. Это говорит о том, что оба жития осознавались их авторами как произведения, обуславливающие друг друга, внутренне связанные и внешне обрамленные как бы живой переключкой двух писателей. В таком духовном и дружеском единении хотели предстать оба писателя в созданной ими яркой легенде перед лицом «верных» и после своей смерти, теперь уже, как им казалось, недалекой. «Пускай раб-от Христов веселится, чтучи!», — писал Аввакум, имея в виду свое «Житие» и «Житие» Епифания. — Как умрем, так он почтет, да и помянет пред богом нас» (82).

⁴⁵ См. P. Pascal, стр. 486—488.

⁴⁶ См.: РИБ, т. 39, стлб. 716 и 718

⁴⁷ См.: РИБ, т. 39, стр. XI.

IV

Автографы житий Аввакума и Епифания находятся в известном «Пустозерском сборнике», найденном в 1912 г.⁴⁸ Основываясь на описании сборника, сделанном В. Г. Дружининым,⁴⁹ и на ознакомлении с самой рукописью, позволим себе сделать некоторые предположения, пополняющие наши представления о деятельности Епифания и о характере его отношений с Аввакумом. Состав сборника отнюдь не случаен. В нем собраны именно те важнейшие сочинения соузников, которые Аввакум перечислил в своем «Житии»: это их коллективный «Ответ православных», составленный Федором, «сказки» Лазаря царю и патриарху, пятая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу, в которой, как указано в «Житии», были изложены «богознамения некая, показанная мне в темницах» (л. 61). Об отправке всех этих сочинений на Мезень для их тщательной переписки («добрым письмом») и дальнейшей посылки в Москву и в Соловки «верным» писал 1 сентября 1669 г. Федор старшему сыну Аввакума — Ивану.⁵⁰ Поэтому, видимо, все эти уже отправленные ранее сочинения и представлены в сборнике не автографами, а хорошо сделанными списками одного почерка. К этим сочинениям примыкают в таких же списках более мелкие статьи: критика Никона («О волке и хищнике...»), критика книги «Жезл правления», описание «второй казни» узников, описание их аскетического поста. Затем следуют автографы житий Аввакума и Епифания и автографы трех богословско-полюемических статей Аввакума.

Тематика сборника, как мы видим, широка и разнообразна. Объединенные в нем материалы подобраны таким образом, чтобы создать полное и яркое представление об идейной борьбе, литературных трудах и мученической жизни в Пустозерске всех четырех первоучителей старообрядчества.

Каким же образом сформировался этот сборник? Когда Епифаний получил уже известный ему и содержащий его собственноручную вставку автограф «Жития» Аввакума, он начал писать свою биографию здесь же, на том же самом листе, на котором завершила свой труд рука его друга (см. фотоснимок). Епифаний писал на оставшихся чистыми тетрадах (той же плотной бумаги), которыми перед этим пользовался Аввакум. Написав первую часть своего «Жития» (Б), он приложил к нему полученные от Аввакума и писанные на той же плотной бумаге автографы трех других его статей. Так составилось ядро сборника, содержащее сочинения двух писателей, наиболее для них самих важные. Епифаний прибавил в начало книги списки уже ранее отосланных на Мезень сочинений Федора, Аввакума и Лазаря, украсив последние двумя своими рисунками крестов (лл. 116, 164 об.). Во время этой работы Епифаний испытывал недостаток в бумаге.⁵¹ Составляя сборник, он использовал чистые листы от записей дьякона Федора, о чем говорит сохранившаяся на одном из листов вдоль правого обреза наполовину срезанная часть записи рукой Федора: «... моим, а мне, дьякону, до тех псов дела нет» (л. 112). Быть может, это был остаток чистой бумаги от тех обширных записок Федора, которые

⁴⁸ См.: В. И. Малышев, журнал «Нева», № 3, 1957, стр. 220—221. Пользуясь случаем сердечно поблагодарить В. И. Малышева за ценные библиографические указания и советы.

⁴⁹ В. Г. Дружинин. Пустозерский сборник (Памятники первых лет русского старообрядчества, в. III). — ЛЗАК, в. 26. СПб., 1914. (Рукопись в БАН: собр. Дружинина, № 790).

⁵⁰ См.: Я. Л. Барсков, Памятники, стр. 68—69, 321—325.

⁵¹ Федор жаловался на недостаток бумаги (см.: Материалы, т. VI, стр. 136).

он изложил в виде полемической «книжицы» против Аввакума, Епифания и Лазаря и которые были отняты у стражей и отданы Аввакуму, а он «сия вся писания изгубил».⁵²

Объединив все рукописи, Епифаний снабдил сборник двумя заглавиями на чистых листах. Каждое из них было помещено им в три правильные концентрические окружности. Первое заглавие («Книга сия, глаголемая Ответ православных») открывало сборник. Во втором Епифаний указал на свою роль в создании Аввакумом его «Жития»: оно сделано на оборотной стороне последнего листа (л. 188 об.) тетради (более тонкой бумаги), приложенной к первому листу другой тетради, на которой начал Аввакум писать свое «Житие».

Остальное внешнее оформление сборника было сделано также, скорее всего, самим Епифанием. Кроме литературных навыков, свойственных всем соузникам, он обладал еще навыками всевозможного «рукоделия», которым усердно продолжал заниматься и после отсечения четырех пальцев правой руки. Епифаний был и столяром, и иллюстратором (любил рисовать замысловатые кресты),⁵³ и мастером книжного дела. Недаром ведь, когда Епифаний, по его словам, начал показывать явившемуся ему во сне соловецкому архимандриту Илье «ведерцы рукоделия своего», Илья велел убрать их и сказал, «указуя перстом на киноварницу: се есть... твое дело».⁵⁴ В условиях отшельнической жизни в «пустыне» Епифаний должен был, очевидно, самостоятельно заниматься и внешним оформлением своей полемической книги, которую по приезде в Москву он подал царю. В пустозерской темнице, как и в «пустыне», у Епифания были необходимые столярные инструменты для «рукоделия».⁵⁵ Он выстрогал дощечки для переплета, обтянул их характерным для этой северной местности материалом — оленьей замшей, сделал три таких же замшевых ремешка для закладок, очень примитивно (не имея нужных слесарных инструментов) изготовил петли для застежек и заклепки из неодинаковых и, очевидно, с трудом раздобытых кусочков красной меди и латуни, окрасил, наконец, киноварью обрез книги.

Но Епифаний не ограничился составлением и оформлением сборника. Сознывая значение автографов Аввакума, он принял на себя обязанности их правщика. Епифаний очень внимательно прочел текст Аввакума, восполнил отдельные случайные пропуски и осторожно исправил то, что казалось ему описками автора. Например:⁵⁶ «прииде на мя духа [святаго] благодать» (лл. 338 об.—339), «была у меня в доме [моем] вдова молодая» (л. 278), «встань [же] миленькой» (л. 253 об.), «В правило [конечное «о» изменяет на «ѣ»] стоящу ей» (л. 279 об.), «взяли меня паки в [«в» заменяет — «на»] Москву» (л. 247), «Пускай их миленких мучася» [конечное «ся» изменяет на «ть»] (л. 249 об.), «со отступниками не соедин[я]юся» (л. 259 об.). Епифаний изменил порядок слов в некоторых словосочетаниях, а это говорит уже о попытке бережной стилистической правки текста: «В углу в избе прикован был...» [переставил так: «в избе в углу»] (л. 274), «горяча была вера» [«вера была»] (л. 254 об.), «Чего крестная сила... не творит благодатию божиею» [«божиею благодатию»] (л. 284).

⁵² Материалы, т. VII, стр. 131—132.

⁵³ См.: В. Г. Дружинин. Пустозерский сборник, стр. 14, прим. 1.

⁵⁴ Материалы, т. VII, стр. 63.

⁵⁵ См.: Я. Л. Барсков. Памятники, стр. 257.

⁵⁶ Цит. по ркп. «Пустозерский сборник» (см.: РИБ, т. 39, стр. VIII); вставки Епифания даны в скобках.

«Пустозерский сборник» послужил, видимо, исходным материалом и для дальнейшей работы двух писателей. Епифаний с согласия Аввакума переписал одну из его статей, автограф которой был включен в этот сборник. Об этом свидетельствует следующее добавление к заглавию статьи: «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека. Труды грешнаго протопопа Аввакума из святого Евангелия написал инок грешный Епифаний по благословению протопопа Аввакума... Аминь».⁵⁷ Работая над третьей редакцией «Жития», Аввакум включил в его состав две другие свои статьи («О жертве никонианской» и «О сложении перст»), автографы которых тоже вошли в сборник. Кроме того, Аввакум ввел в текст второй и третьей редакций «Жития», как его мотивировку, тот заголовок («Аввакум протопоп понужен бысть...»), который сделан в сборнике рукой Епифания.

Мы проследили, насколько это было возможным, историю общения Аввакума и Епифания, отношения которых представляют собой один из ранних в русской литературе и редких примеров идейных, творческих и дружеских связей двух талантливых писателей, работавших рука об руку, хотя во многом и по-разному, над созданием нового жанра — жанра литературной автобиографии.

⁵⁷ РИБ, т. 39, стлб. 651, прим. 1; см. также стр. XLII.